

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.18>

Беляев Дмитрий Анатольевич, Лукьянчиков Виктор Иванович

ИСТОРИЯ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ: ТРОПЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

В статье рассматриваются наиболее значимые, знаковые этапы становления современной философской герменевтики в ее контекстуальном диалоге с эстетическим дискурсом. В частности, исследуется становление концепта "гениального реципиента" в контексте романтической тенденции XVIII в., сформировавшей новую герменевтическую модель творческого диалога читателя с текстом. Отдельно анализируются парадоксы современной эстетики в их связи с актуальными герменевтическими практиками, а также художественно-эстетические пути преодоления дробности различных текстов культуры. В заключение делается вывод о наличии множества как исторических, так и современных троп взаимодействия эстетики и герменевтики, обогащающих оба философских дискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/18.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 87-90. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

12. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8-ми т. М. – Х.: АСТ; Фолио, 2000. Т. 8. Кн. 1. Итоги тысячелетнего развития. 624 с.
13. Любинская Л. Н., Лепилин С. В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 304 с.
14. Платон. Парменид // Платон. Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Издательство Олега Абышко, 2007. Т. 2. С. 413-492.
15. Платон. Тимей // Платон. Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Издательство Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 495-587.
16. Плешков А. А. О времени и вечности в философии Платона и Плотина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 216-223.
17. Премудрость Иисуса Христа: апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками / пер., вступ. ст., коммент. А. И. Еланской. СПб.: Алетейя, 2004. 416 с.
18. Св. Иринея Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / пер. протоиерея П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 443 с.
19. Светлов Р. В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 232 с.
20. Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. СПб.: РХГИ, 1998. 479 с.
21. Светлов Р. В. Иов, Плотин, Платон // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 3. С. 137-147.
22. Трехчастный трактат. Коптский гностический текст из Наг-Хаммади (Codex Nag Hammadi I, 5) / пер. и коммент. А. И. Еланской. СПб.: Алетейя, 2017. 238 с.
23. Трофимова М. К. Гностические апокрифы из Наг-Хаммади // Свенцицкая И. С., Трофимова М. К. Апокрифы древних христиан: исследования, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. С. 161-334.
24. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М.: Наука, 1979. 216 с.
25. Festugiere A. J. Le sens philosophique du mot AION // La Parola del Passato. 1949. № 10. P. 172-189.
26. Jonas H. The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity. Boston: Beacon Press, 1958. 396 p.
27. Turner J. D. Ritual in Gnosticism // Gnosticism and Later Platonism. Themes, Figures, and Texts / ed. by J. D. Turner, R. D. Majercik. Atlanta: Society for Biblical Literature, 2000. P. 83-139.

BRIEF ANALYSIS OF INSIGHTS INTO TIME AND ETERNITY IN ANCIENT GNOSTICISM

Bakhar' Spiridon Aleksandrovich

*The Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg
temperatur@yandex.ru*

The article makes an attempt to fill the current gap in temporological studies. For this, on the basis of available sources, as well as relevant critical literature, the author carries out a systematic analysis of the teaching of time and eternity in ancient gnosticism for the first time. The importance of temporological categories in the gnostics' ontology, gnoseology and anthropology is shown. The author makes a comparison of the gnostics' temporology with other temporological concepts popular in the late antique culture. The results of the work can be used in all the areas of modern science related to both the problems of time and the issues of gnosticism.

Key words and phrases: time; eternity; gnosticism; gnostics; temporality.

УДК 101.1

Дата поступления рукописи: 07.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.18>

В статье рассматриваются наиболее значимые, знаковые этапы становления современной философской герменевтики в ее контекстуальном диалоге с эстетическим дискурсом. В частности, исследуется становление концепта «гениального реципиента» в контексте романтической тенденции XVIII в., сформировавшей новую герменевтическую модель творческого диалога читателя с текстом. Отдельно анализируются парадоксы современной эстетики в их связи с актуальными герменевтическими практиками, а также художественно-эстетические пути преодоления дробности различных текстов культуры. В заключение делается вывод о наличии множества как исторических, так и современных троп взаимодействия эстетики и герменевтики, обогащающих оба философских дискурса.

Ключевые слова и фразы: герменевтика; эстетика; «гениальный реципиент»; Шлейермахер; Кант; Гадамер; романтизм; искусство; творчество; целостность.

Беляев Дмитрий Анатольевич, д. филос. н., доцент

Лукьянчиков Виктор Иванович, к. филос. н., доцент

*Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
dm.a.belyaev@gmail.com; iki@lspu-lipetsk.ru*

ИСТОРИЯ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ: ТРОПЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

Герменевтика, изначально будучи особой и достаточно специализированной методикой толкования сакральных и культурно значимых текстов, сегодня занимает важное место не только в рамках собственно

философско-гносеологического дискурса, но и претендует на статус универсального способа познания любых проявлений человеческого духа [2, с. 139-141]. Одновременно философская герменевтика в XVIII-XX вв. претерпела ряд концептуальных трансформаций, во многом и сформировавших ее современную модель работы со знаковыми системами. При этом наиболее существенные из них были инициированы в контексте эстетического дискурса, рефлексий о сущности творчества и специфики восприятия художественного текста. По мысли Г.-Г. Гадамера, «герменевтический аспект настолько всеобъемлющ, что он неизбежно включает также и опыт прекрасного в природе и искусстве» [4, с. 257], поэтому «герменевтика вбирает в себя эстетику» [Там же, с. 262]. Одновременно вполне справедливо и обратное утверждение: герменевтика как толкование выступает одним из аспектов художественного произведения [9, с. 5]. Все это, безусловно, накладывает свой отпечаток на характер современных герменевтических подходов и процедур. Между тем данный диалог эстетики и герменевтики часто остается на периферии предметного пространства современных исследований, что ограничивает и в какой-то мере искажает гносеологический потенциал герменевтических практик. Соответственно, в восполнении этого исследовательского пробела и заключается **актуальность** данного рассмотрения.

Целью нашей работы является реконструкция троп художественно-эстетической экспликации философской герменевтики в контексте истории ее методологического конституирования. Это подразумевает решение целого ряда исследовательских **задач**. Во-первых, анализ концепта «гениального реципиента» и роли творческой субъективности в герменевтической практике; во-вторых, выявление проблемы целостности текста в контексте парадоксов современной эстетики и описание путей их преодоления на пересечении пространства искусства и когнитивных практик. Исследование строится на основе общего феноменолого-герменевтического подхода и принципа историзма, с опорой на историко-философский и структурно-аналитический методы.

Одним их ключевых моментов в развитии философской герменевтики стало романтическое движение XVIII-XIX вв., частью которого было творчество немецкого теолога Ф. Шлейермахера, ставшего классиком герменевтики. Романтизм качественно меняет иерархию отношений и систему смысловой контактности между оригинальным текстом и реципиентом-интерпретатором. До романтиков комментарий всегда находился в категорической зависимости от текста, понимаемого как нечто несравнимо более высокое и целостное. Безусловно, комментарий мог раскрывать скрытую глубину текста, прояснять грамматику его семантических троп и даже образовывать некую область активных референций, но оставаясь онтологически вторичным феноменом, не обладающим независимой смысловой активностью и субстанциональностью.

Романтизм же стал понимать рецептивно-интерпретативную практику как своеобразное созидание смыслов, тем самым сближая интерпретацию и творчество. Именно в романтизме возникает важное понятие о «гениальном реципиенте», т.е. читателе или зрителе, который для того, чтобы понять какое-то художественное произведение, должен быть не меньше одарен художественно, чем автор. Отсюда следуют все многочисленные романтические формулы о том, что настоящих читателей так же мало, как и настоящих писателей, что чтение – это особое художественное мастерство, которому трудно научиться, и, наконец, что читатель должен проникать в душу автора, проживать его жизнь через вчувствование в его опыт. В доромантической эпохе утверждение, что читатель проживает вместе с автором его книгу, категорически неприемлемо и принципиально инородно духу восприятия культурно/культурно значимого текста.

Очевидно, что традиционное отношение читателей, например, к Библии или к классическому тексту – это всегда позиция взгляда и восприятия снизу вверх. Заведомо опыт реципиента частичен, фрагментарен и нуждается в постоянном восполнении оригинальным текстом, тогда как опыт классического текста всегда полон, самодостаточен и даже избыточен по отношению к возможностям читателя [1, с. 12-13]. В романтическую же эпоху утверждается представление, что именно читатель всякий раз заново порождает из себя некоторую субъективную установку, которая только и позволяет воспринять художественное творчество. Читая книгу, человек, в первую очередь, особым образом организует свою субъективность и благодаря этому воспринимает содержание текста. То есть если в доромантическую эпоху в основе чтения лежал опыт понимания, который неизменно возвращался к оригинальному образцу, то в основе романтического опыта лежит эмпатия, определенное одновременно рациональное и эмоциональное восприятие прочитанного, его субъективно значимое личностное прочтение.

Далее эта идея была развита в эстетике И. Канта, к которой уже в XX в. обращались крупнейшие представители герменевтики [8, с. 10]. Здесь ключевой оказывается одна важная характеристика, которую Кант дал искусству: он определяет эстетический опыт как незаинтересованное созерцание, т.е. такое восприятие объекта, которое лишено утилитарно-практических, прагматических целей [6, с. 72-73]. Эта мысль о незаинтересованном созерцании и привела к теоретическому обоснованию и утверждению концепта гениального реципиента. Очевидно, что, если созерцать дерево или пейзаж может художник, а затем изображать и наблюдать его может любой человек, то опыт переживания природы и опыт переживания искусства сближаются. А значит, опыт художника и опыт простого созерцателя его творчества тоже до некоторой степени сближаются. Соответственно, выстраивается весьма интересная диалектическая модель, в которой из факта созерцания природы как основы искусства развивается целая модель субъективного отношения к окружающему миру, которое одновременно подпитывается эмоционально-чувственными встречами с природой и с искусством. В итоге эта кантовская мысль о незаинтересованном созерцании стала неотъемлемой частью всей современной герменевтики.

Важным методологическим элементом современной герменевтики является рассмотрение любого объекта как самотождественной целостности, семантически адекватно не делимой на составные части. Герменевтика должна всякий раз, толкуя предмет, вновь возвращаться к его цельности и реконструировать ее [7, с. 122]. Интерпретируя природный объект, или идею, или художественное произведение, мы всякий раз должны сохранять некую установку на неразрушаемое созерцание. Это находится в явном противоречии с тем опытом

общения с искусством, который был в доромантическое время, когда произведения зачастую свободно перелдывались, а их целостность могла с легкостью нарушаться.

Отчасти обращаясь к проблеме целостности, уже в начале XXI в. У. Эко в работе «История красоты» исследует вопрос об эволюции способов различения и удостоверения прекрасного, носящего одновременно как эстетическое, так и герменевтическое содержание. Итальянский мыслитель отмечает, что до XIX в. мы могли оценивать красоту или безобразие тех или иных культурных объектов, исключительно исходя из самих художественных текстов [12, с. 13-15]. Они были эстетически целостны и самодостаточны в своей образной организации, выступая объективным транслятором ценностей. Напротив, в искусстве послеромантической эпохи при различении прекрасного опираться исключительно на художественный текст нельзя. Здесь можно говорить о некотором замысле художника, еще не до конца им высказываемом, который постигается только в постоянном возвращении нашей интерпретации к этому же образу. Собственно, именно по такой модели построены многочисленные интерпретации произведений искусства у Гадамера, где мы должны проделывать несколько циклических операций толкования при доминанте личностно-субъективного считывания семантики текста [3, с. 232]. Одновременно с этим утверждается категорическая темпоральность всякого результата творения, которое раскрывает свою сущность исключительно в «горизонте времени» [9, с. 4], что, в свою очередь, релевантно современным герменевтическим практикам работы со знаковыми системами.

Между тем основания ряда проблем, с которыми сталкивается современная герменевтика, также коренятся в сфере эстетики, ее парадоксов, возникших в XX столетии. Так, вся классическая эстетика основана на безусловном главенстве категории прекрасного. Со времен античности считалось, что природа устроена по онтологическим законам красоты, и к ним же устремлено искусство, которое выражает эти принципы посредством художественного мимесиса [3, с. 230-231]. Все безобразное в этой эстетической парадигме рассматривается как нечто случайное, девиантное и концептуально не субстанциональное. Однако уже романтическая художественная культура открыла такие состояния, как усталость, отвращение, неприязнь ко всему окружающему, и это все в XX в. пришло к понятию «тошнота» Ж.-П. Сартра.

Сегодня совершаются отдельные попытки исследования всей постромантической герменевтики как эстетической трансформации от прекрасного к безобразному, с последующей их конвергенцией. Под безобразным здесь имеется в виду именно отвратительное, то, что приводит к «болезненному созерцанию», вызывает негативные душевные усилия, отвращающие от этого предмета. Например, в качестве безобразного однозначно опознается любой паразитический объект, нечто нецельное и незавершенное. Соответственно, всякий раз, когда феномен не удовлетворяет герменевтическому пониманию целостности, он определяется как безобразный. Поэтому исследование границ безобразного становится одновременно и исследованием границ герменевтики. Именно здесь проводится линия разграничения объектов, с какими она может работать, а с какими, по причине отсутствия их цельности, такое взаимодействие невозможно.

Аналитика герменевтики, порожденной эстетикой романтизма, выявляет ряд существенных парадоксов. Так, романтическая герменевтика исходит из того, что предметом эстетического созерцания и комплементарного оценивания является все естественное. Между тем чувства отвращения для человека тоже естественны. Это порождает определенный парадокс между двумя программами естественного: объективной программой естественности, которая состоит из отдельных разрозненных предметов, и субъективной программой естественности, которая более цельна, последовательна, представляет собой часть нашей биографии, но при этом включает в себя и отвратительное, безобразное, уродливое и т.д. Уже Шлейермахер исходил из того, что эта субъективная программа рано или поздно приводит к отвращению ко всему происходящему в мире и живому вообще [10, с. 163-164]. Поэтому одним из главных вопросов герменевтики становится вопрос о том, каким образом сохранить это виденье целостности произведений, когда, с одной стороны, внутреннее состояние – это вовсе не состояние «гениального реципиента», а отвращения и «тошноты», а с другой стороны, очень мало что в окружающем мире представляет возможности созерцания целостного. Сегодня герменевтика находится в поиске путей преодоления, разрыва этой парадоксальной связи семантической целостности субъективного духа и проявлений безобразного.

Другим вызовом для современной герменевтики является способ ее конституирования особого гносеологического проекта, не ограниченного исключительно когнитивными рамками, о чем в свое время говорил еще Гадамер. Герменевтика пытается легитимировать особую познавательную практику раскрытия истины, в которой последняя выступает не только как некий когнитивный императив, но и как императив политический, экономический или художественно-культурный.

Возникает естественный вопрос: каковы могут быть другие значения истины, выходящие за рамки когнитивного соответствия предмету? Очевидно, что уже в научном дискурсе XX в. ни о какой классической адекватности объекта и когнитивных представлений о нем говорить не приходится, потому что психология раскрывала автономный характер наших представлений о материальном мире. И именно герменевтика указала на принципиальную методологическую ограниченность попыток абсорбировать философию психологией, т.к. они не учитывают, что истина не является исключительно когнитивным состоянием, она не есть только предмет ума, созерцания или необходимого размышления [11, с. 165]. Сама истина может «сбыться» как часть социальной или политической реальности, в равной степени и художественное произведение способно выступать носителем истины. Поэтому истина не ограничивается исключительно когнитивной сферой. По мнению Х. У. Гумбрехта, когнитивные процессы составляют только небольшую часть нашей биографии [5, с. 21-22]. Человек, полагал философ, мыслит только несколько минут в сутки, а остальное время

он живет в ситуации перманентной репрезентации, которая предшествует когнитивным достижениям. Соответственно, истиной оказывается то, что позволяет вещи самой репрезентировать себя без дополнительных усилий [Там же, с. 73-75], без нашей «гениальной рецептивности».

В этой концепции истины совершается попытка преодолеть разрыв между романтической и доромантическими моделями герменевтики. Так, Гадамер предлагает весьма оригинальную модель, в которой «гениальный реципиент» требуется не для постижения истины, а только для «признания истины». Оно требует особой «щедрости души», самоотверженности и «гениальной рецептивности». По мнению Гадамера, ошибкой романтиков было то, что они спутали эту душевную решимость принять новое и необычное с познанием вещи. Как следствие, немецкий философ сохраняет необходимость «гениального реципиента», но не для акта когнитивного познания, а для ситуации признания.

Итак, мы видим, что важным понятием герменевтики становится понятие самопрезентации вещи, приходящее на место романтического представления о цельности вещи. Теперь герменевт находит в нашем субъективном опыте не столько стремление к цельности, сколько интенцию к самопрезентации [8, с. 17], и считает, что этому усилию откликается искусство. Он исходит из того, что повседневный опыт зачастую вовсе не является опытом красоты, а скорее выступает опытом соприкосновения с безобразным, нецельным. Поэтому требуются многочисленные усилия мысли для преодоления этого негативного опыта. И в данном случае искусство, согласно герменевтической интерпретации, помогает людям абсорбировать те черты субъективного опыта, которые не способны созерцать красоту. Соответственно, искусство и когнитивные практики пытаются справиться с дробностью, незавершенностью, а значит и безобразием как в природном мире, так и повседневной жизни человека.

В итоге следует отметить, что возникновение современной философской герменевтики во многом связано с изменением статусов текстов и режимов их чтения. Этот процесс отчасти был инициирован в рамках эстетики романтизма, которая радикально изменила фокус восприятия художественного творения и место в нем реципиента. В частности, под влиянием кантианства и идей Шлейермахера возникает концепт «гениального реципиента», ставшего важным фактором «коперниканского переворота» в герменевтике. Теперь зритель/читатель наделяется творческой субъективностью, необходимой для понимания оригинального текста. Также в контексте эстетического парадокса движения от прекрасного к безобразному, наиболее остро проявившегося в художественной практике XIX-XX вв., кристаллизуется герменевтическая проблема сохранения категорической необходимости цельности интерпретируемой знаковой системы. Безобразное как онтологически дисгармоничное начало стремится к разрушению целостности культурного текста. И преодоление этого противоречия является актуальной задачей как современной эстетики, так и герменевтики. Выясняется, что герменевтика не ограничивается исключительно когнитивными практиками познания, но и апеллирует к опыту репрезентативного признания, что создает потенциал для снятия угрозы онтологической дробности разнообразных культурных текстов.

Список источников

1. Арапов А. В. Герменевтика сакрального текста: автореф. дисс. ... д. филос. н. Тула, 2007. 49 с.
2. Бегги Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+, 2011. 144 с.
3. Гадамер Г.-Г. Искусство и подражание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 228-241.
4. Гадамер Г.-Г. Эстетика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 256-265.
5. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
6. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
7. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
8. Соболева М. Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический Проект, 2014. 151 с.
9. Филиппов С. М. Искусство как предмет феноменологии и герменевтики: автореф. дисс. ... д. филос. н. М., 2003. 38 с.
10. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.
11. Шульгина Е. Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. 235 с.
12. Эко У. История красоты. М.: Слово/Slovo, 2018. 440 с.

HISTORY OF PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS INSTITUTIONALIZATION: WAYS OF AESTHETIC EXPLICATION

Belyaev Dmitrii Anatol'evich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Luk'yanchikov Viktor Ivanovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
dm.a.belyaev@gmail.com; iki@lspu-lipetsk.ru

The article discusses the most significant, landmark stages of modern philosophical hermeneutics formation in its contextual dialogue with aesthetic discourse. In particular, the formation of the concept “genius recipient” is being studied in the context of the romantic trend of the XVIII century, which formed a new hermeneutic model of a reader’s creative dialogue with the text. Paradoxes of modern aesthetics in their connection with current hermeneutic practices, as well as artistic and aesthetic ways of overcoming various cultural texts fragmentation are analysed separately. The authors conclude that there are many historical and modern ways of interaction between aesthetics and hermeneutics that enrich both philosophical discourses.

Key words and phrases: hermeneutics; aesthetics; “genius recipient”; Schleiermacher; Kant; Gadamer; romanticism; art; creation; integrity.